

знающіе великую историческую заслугу его художественной дѣятельности для установленія нашей литературы.

Г. Зелинскій хотѣлъ облегчить изученіе литературнаго значенія и судьбы Пушкина систематическимъ собраніемъ критическихъ отзывовъ, появившихся съ самаго начала его поэтической дѣятельности. Намѣреніе полезное; къ сожалѣнію, исполненіе мало удовлетворительно. Работа г. Зелинскаго совершенно сырая. Онъ просто перебираетъ старые журналы и выписываетъ оттуда, что относится къ Пушкину, безъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій: между тѣмъ въ объясненіяхъ настояла бы самая существенная надобность. Подробности движенія, возбужденнаго въ нашей литературѣ появленіемъ Пушкина и его послѣдующими шумными успѣхами, изучены еще далеко не вполне, но, тѣмъ не менѣе, эта исторія не однажды затрогивалась историками тогдашней литературы, и для сколько-нибудь серьезнаго изслѣдователя, который взялся бы за собраніе критической литературы о Пушкинѣ, сама собой представилась бы необходимость сопроводить этотъ матеріалъ біографическими и бібліографическими справками, которыя помогли бы читателю оріентироваться въ этой старой литературѣ.

Наполнивъ предисловіе высокопарными фразами о великомъ значеніи Пушкина, который есть „предметъ русской національной гордости“, „основатель и неизсякаемый поэтический источникъ той нашей литературы, которая въ настоящее время пробиваетъ многовѣковую китайскую стѣну, духовно разобщавшую насъ съ просвѣщенной семьей европейскихъ народовъ“, „реформаторъ-обновитель и краеугольный камень“, и пр., издатель увѣренъ, что это великое значеніе Пушкина послужитъ и краеугольнымъ камнемъ для успѣха его новѣйшаго предпріятія. „По моему убѣжденію, — продолжаетъ онъ, — эта книга должна быть полезна *тщательно для всѣхъ*, такъ или иначе соприкасающихся съ русской литературой, начиная отъ ученаго историка — критика литературы и кончая тѣми, *которые вовсе незнакомы (!!!)* ни съ исторіей и критикой русской литературы вообще, ни съ величайшимъ представителемъ послѣдней, Пушкинымъ въ частности“. Читатель, вѣроятно, не мало изумится этой рекомендаціи для собственнаго изданія. Но г. Зелинскій не довольствуется этими увѣреніями о необходимости своей книги для тѣхъ даже, кто не знаетъ и самого Пушкина: нѣтъ! „Скажу еще болѣе: еслибы даже и совсѣмъ исключить предполагаемую